

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ —
ТЕАТР «СОВРЕМЕННОСТИ»

ЦЕЛЬНОСТЬ

ЧУВСТВ, АКТИВНОСТЬ МЫСЛИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АРТИСТА А. МЯГКОВА

Начнем сразу с анкетных данных: Андрей Мягков после окончания двух вузов — сначала технического, а затем театрального — шестой сезон играет в театре «Современник». Несколько главных ролей в театре — Адуев-младший (об этом мы уже писали), братец Лаймон, Барон... Две главные роли в кино — Алеша Карамазов и Герцен. Член художественного совета в театре, который славится строгим и вдумчивым отбором репертуара и актеров, требовательностью в профессиональных вопросах.

Мягков — приветливый и доброжелательный, но «не легкий» собеседник, во всяком случае для интервьюера. Сдержанность, нежелание сразу открываться мало знакомому человеку — черта, казалось бы, неожиданная у представителя такой «общительной» профессии, как актер, — выражает, однако, существенную особенность склада характера современного человека, да и самого современного искусства.

На длинный вопрос: чего требовал от него сложившийся и необычный театральный коллектив и что он считал главным для себя, войдя в него, актер отвечает коротко:

— «Современник» требовал от меня соответствия. А я старался соответствовать.

Удивительно, но и характерно, что на вопрос о любимой роли, любимом своем спектакле актер отвечает:

— В нашем театре больше всего люблю спектакль, в котором сам не играю, — «Назначения» по А. Володину.

Об отношении к постановкам классики говорит просто:

— Они дают прекрасный материал для работы.

И, естественно, тут же возникает вопрос об интереснейшей его роли — Барона в горьковском «На дне» (постановка Г. Волчек).

— Наша трактовка образа Барона — это подтверждение мысли, что в нем важно не прошлое, а настоящее. Но сложность его в том, что он, хотя озлоблен, уничтожен, раздавлен — в прошлом был иной, в чем-то даже интеллигентный человек. Этот не простой стык прошлого и настоящего позволяет провести через образ главную мысль нашего спектакля — вопрос о возможностях и способах существования человека в тех условиях,

с которыми неразрывно связан мой герой...

Барон Мягкова действительно прочно связан со своим прошлым какими-то едва уловимыми черточками: барственной позой, в которой он полудрежит во время игры в карты, пиджаком — почти щеголеватым, но распоротым на спине по шву, растеряннокруглым жестом, которым он поглаживает бывшую шевелюру, или элегантно легкой картавостью. Но он жалок и несчастен в этой своей постоянной неприкаянности. И сегодняшней Барон — это всхлипывающий голос, неуверенная походка, засунутые в карманы пиджака руки, потянувшись назад сгорбленные плечи. У Мягкова в спектакле есть один необыкновенный, высокий, всегда потрясающий зрителей момент — его можно бы назвать моментом Человека. Васья Пепел предлагает Барону лаять за стакан водки, и Барон — Мягков, затравленный и тоскующий, пошатнувшись на лестнице, недоуменно глядя добрыми детскими глазами, вдруг выпрямляется и тихо-тихо, почти бездыханно соглашается: «Буду, Вася!». Какая же

здесь безысходность у Барона! Какая боль за человека у актера Мягкова!

Знаменитый призыв К. С. Станиславского — «играть зло, ищи, где он добрый» — с определенной долей условности можно было бы, перефразируя, отнести к Мягкову. Не буквально «играть доброго, ищи, где он злой», но во всяком случае — ищи, где он не просто и не только добрый.

В какой-то мере соглашаясь с этим тезисом, актер объясняет, почему может быть важен такой подход к ролям:

— Он дает возможность постигнуть человека во всей его разносторонности, в его полярных проявлениях.

Ведь даже Алеша Карамазов с его всепрощающей любовью к людям, как говорит о нем Мягков, ни на минуту не становится слащаво-добреньким. А как он непримирим, почти жесток и уж совершенно тверд, отстаивая святое для себя истины.

Пожалуй, именно непримиримость ко злу, проявляемая иногда от лица героя, а иногда по отношению к герою, непримиримость, доходящая до предела и требующая напряженной, даже мучительной

работы мысли, может как-то объединить в наших глазах, например, таких несхожих героев Мягкова, как Алеша Карамазов и братец Лаймон из спектакля «Баллада о невеселом кабаке». Этот маленький горбун с лучезарной улыбочкой и живыми блестящими глазами может издеваться над людьми по-своему, покарлики зло. Из наивного существа, мгновенно впитывая именно недоброе и жестокое (актер подчеркивает социальные корни зла), он на наших глазах превращается в фурию. Прыгает, мечется, не находя себе места, всех будоражит и покусывает, то и дело обжигая взглядом исподлобья — кажется, будто из-под горба...

Все роли Мягкова свидетельствуют о неразделимом единстве в его игре зрелости ума и таланта, эмоциональной наполненности, способности в одну интонацию вместить крушение надежд или страстную веру — с отточенной, каждый раз необходимо верной и одновременно сдержанной пластической выразительностью.

Что же дальше? И опять о планах, скупое и коротко:

— Желания мои связаны в основном с театром, с его спектаклями. А что это будет — пока неважно. О роли можно говорить, когда она уже сыграна, а пока ее еще трудно. А в кино я сыграл Алешу Карамазова, и мне бы очень хотелось продолжить эту работу. Возможно ли это? Сейчас два молодых сценариста из ВГИКа пишут сценарий специально об Алеше, куда войдут из романа все его связи, жизненные линии.

Вот и еще одна важная черта этого актера — неуспокоенность. А кажется, чего уж больше? За эту роль он получил не только признание зрителей и критики, но и — это стало известно только что — выдвинут вместе с другими создателями фильма на соискание Государственной премии СССР.

Главный режиссер «Современника» О. Ефремов, называя уже сложившуюся черту театра наших дней, писал, что сейчас время мыслящих актеров, время личностей на сцене. Андрей Мягков является актером именно такого типа. И можно не сомневаться, что его талант активной мысли и страстного цельного чувства раскроется еще многими новыми гранями.

Т. РАБИНА.

